

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.» Под редакцией проф. С. П. ТОЛСТОВА и Т. А. ЖДАНКО, М., Изд. АН СССР, 1952, 652 стр. + 24 вклейки, тираж 2000 экз., цена 35 р. 30 к.

Рецензируемая книга представляет собой первый том серии «Трудов Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» и посвящена результатам работ участников экспедиции в 1945—1948 гг. Содержание этого большого сборника подразделяется на две части, в которых публикуются соответственно археологические и этнографические изыскания экспедиции. В конце сборника дано ценное приложение, в которое включены: хроника работ экспедиции с 1939 по 1948 г., список участников экспедиции за те же годы и библиография.

Общее значение работ Хорезмской экспедиции давно уже вышло не только за территориальные пределы Хорезма, но и за рамки чисто археологических исследований. Благодаря трудам коллектива сотрудников экспедиции стал доступен для изучения огромный период истории народов, населявших Среднюю Азию и соседние земли, была открыта неизвестная прежде науке самобытная и яркая хорезмская цивилизация и было доказано ее неоспоримое влияние на соседние народы.

Материалы, добытые экспедицией, имели первостепенное значение при разрешении сложных вопросов периодизации истории народов Средней Азии; именно благодаря находкам экспедиции был установлен тот факт, что эти народы в период между VIII—VI вв. до н. э. и V—VI вв. н. э. прошли через этап рабовладельческого общественного строя, сменившего затем строем феодальным¹.

Как отмечает С. П. Толстов, работами экспедиции «был нанесен решительный удар по господствующей и до сих пор в буржуазной историографии расистско-циклической концепции истории народов Средней Азии (как и Востока в целом), по приобретающим сейчас в писаниях англо-американских авторов откровенно расистский и антисоветский характер тенденциям считать античный общественный строй и античную культуру чем-то специфическим, расово присущим только западной цивилизации с ее восходящей будто бы к античным корням пресловутой западной демократией»².

Мало того, материалы Хорезмской экспедиции вместе с материалами, добытыми другими среднеазиатскими экспедициями³, убедительно показали антинаучность и реакционность взглядов представителей современной буржуазной историографии,

¹ С. П. Толстов, Периодизация древней истории Средней Азии, КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 18 сл.

² Рецензируемый сборник: С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция..., стр. 8.

³ Работы под руководством М. Е. Массона в Нисе (Туркм. ССР), В. А. Шишкина в Варакше (Узб. ССР), А. Ю. Якубовского в Пянджикенте (Тадж. ССР) и др.

делающих видеть в истории культуры народов Средней Азии какие-то провинциальные реплики и варианты «иранской», а позднее «ирано-арабской» культуры.

Результаты работ Хорезмской экспедиции доказали также, что очень многое из культурных и научных достижений средневекового Востока зародилось и получило развитие именно в Хорезме, подарившем человечеству таких гигантов науки, как «отец логарифмов» математик Мухаммед ибн Муса ал-Хорезми или величайший ученый-энциклопедист средневекового Востока и Запада Абу-Рейхан ал-Бируни ал-Хорезми.

Благодаря материалам Хорезмской экспедиции и анализу основных этапов социально-экономической, политической и культурной истории Хорезма, получившим широкое освещение в капитальном труде С. П. Толстова «Древний Хорезм», многие темные и допускавшие самые различные толкования тексты античных и средневековых восточных авторов ныне воплотились в реальные исторические образы.

Публикация материалов Хорезмской экспедиции осуществлялась достаточно регулярно начиная с 1938 г.¹

Территория работ экспедиции с каждым годом все более расширяется; теперь она охватывает колоссальные площади, включающие области течения Аму-Дарьи от Аральского моря до Чарджоу, восточно-приаральские степи у верхнего течения Сыр-Дарьи, русло Узбоя и всю северо-западную границу Кызыл-Кумов. В дальнейшем намечено еще большее расширение площади разведочных и археологических работ на юго-восток, в сторону Бухары, и на запад, к Каспию. Такой территориальный охват стал возможным благодаря широкому применению авиации для разведок, а также прекрасному техническому оснащению экспедиции. Все это оказалось осуществимым благодаря исключительному вниманию партии и правительства к вопросам, связанным с развитием науки в нашей стране.

В отличие от прежде опубликованных работ Хорезмской экспедиции, рецензируемый сборник посвящен некоторым частным вопросам, вставшим перед работниками экспедиции и решенным ими за период 1945—1948 гг. Материал сборника разделен на две основные части.

Первая часть состоит из статей археологического характера (работы И. В. Пташниковой, С. А. Трудновской, Н. П. Вактурской, К. В. Сальникова, Н. Г. Залкинд, Г. В. Никольского, Д. В. Рабакова, В. Д. Лебедева и В. П. Цалкина); сюда же вошли статьи, в которых вопросы археологии связаны с исследованием архитектурных памятников древнего Хорезма, изучением строительной техники, планировки, убранства, и в которых делается попытка реконструкции некоторых объектов. Это статья М. А. Орлова, В. П. Ворониной и М. Г. Воробьевой. Во вторую часть вошли этнографические исследования (статьи М. В. Сазоновой, К. Л. Задыхиной, Г. П. Васильевой, Т. А. Жданко, Б. В. Андрианова и А. И. Ярхо).

Сборник открывается статьей руководителя экспедиции С. П. Толстова, в которой в сжатом виде подводятся итоги основных этапов работы экспедиции за период 1945—1948 гг. и намечаются перспективы дальнейших работ. К статье С. П. Толстова приложена карта, дающая наглядное представление о территории, охваченной археологическими работами и разведками Хорезмской экспедиции в 1937—1948 гг.

Некоторое сомнение вызывает применение С. П. Толстовым термина «античность» к периоду расцвета хорезмской культуры. Автор, несомненно, прав, подчеркивая расистский характер понимания «античности» в работах американо-английских историков.

Он прав также в своей оценке Хорезма как высокоразвитого рабовладельческого государства. Однако вряд ли определение периода от VIII—VI вв. до н. э. до V—VI вв. н. э. в истории Хорезма как «этапа антично-рабовладельческого» может считаться вполне точным с научной точки зрения. Термин «античность», так же как «эллинизм»,

¹ С. П. Толстов, Древний Хорезм, Изд. МГУ, 1948, и По следам древнехорезмийской цивилизации, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

является конкретно-историческим понятием, и мы не видим необходимости распространять его на все рабовладельческие общества Азии.

Статья М. А. Орлова «Реконструкция „зала воинов“ дворца III в. н. э. Топрак-кала» посвящена реконструкции одного из помещений огромного дворцового комплекса. Раскопками городища и дворца Топрак-кала открыты замечательные памятники изобразительного искусства древних хорезмийцев — монументальная настенная живопись, скульптура; не менее важным в этом комплексе было раскрытие художественных замыслов и технических приемов строителей громадного дворца. Однако даже сейчас реконструкция как целого ансамбля, так и его отдельных частей представляет значительные трудности благодаря большой новизне и необычности открывшейся исследователям неведомой ранее архитектуры. Эти трудности и дали себя знать в работе М. А. Орлова.

«Зал воинов» является одним из интереснейших помещений дворца Топрак-кала. Как показали раскопки, стены его были декорированы рельефными, сильно выступающими из поля стены парными завитками, напоминающими известные детали ионической капители с сомкнутыми волютами¹. Между волютами на выносе цоколя размещены были горельефные изображения стоящих мужских фигур. В завалах рухнувших частей здания были обнаружены также фрагменты круглых скульптур, изображавших, предположительно, негритянскую или дравидскую гвардию владельцев Топрак-кала. Комбинация этих скульптур и рельефов в сочетании с живописью составляла убранство «зала воинов». Перед автором реконструкции стояла задача убедительно расположить эти компоненты в пространстве помещения. Он уделил очень много внимания сохранившимся остаткам «волют» и пришел к выводу, что столь сложная кривая не могла быть выполнена хорезмийским мастером без соответствующего геометрического построения. Автор находит, что сторонами прямоугольника, в который вписана спираль, являются сторона квадрата и удвоенная разность между стороной и диагональю того же квадрата. С помощью еще более сложного геометрического построения М. А. Орлов дает графическую реконструкцию двойной спирали, напоминающей остатки «волют», найденных в «зале воинов».

Общеизвестно, что искусство геометрического орнамента стояло у народов Средней Азии на поразительной высоте. Прямолинейный геометрический орнамент герих достигает уже в XI—X вв. (Термез) такой сложности, которая предполагает известные знания в области прикладной геометрии. Но между «волютами» Топрак-кала и геометрическими орнаментами Термеза стоит все-таки промежуток в семь столетий. Сам материал раскопок Топрак-кала, как и других памятников архитектуры древнего Хорезма, убедительно свидетельствует о невозможности создания в ту эпоху таких крайне сложных геометрических построений, так как найденный при раскопках архитектурный орнамент, криволинейный и прямолинейный, отличается в большинстве своем известной примитивностью². Приведенные в статье фотографии сохранившихся фрагментов «волют» позволяют с большей долей вероятности предположить, что рисунок завитка «волюты» наносился опытным мастером либо от руки непосредственно на сырую глину (что, на наш взгляд, вернее всего), либо с прориси, сделанной опять-таки от руки. Умение хорезмийского мастера III в. н. э. пользоваться таким сложным математическим построением, как это предполагает автор реконструкции, противоречило бы всему остальному материалу, вскрытому раскопками. Факт применения в древне-

¹ Заметим, кстати, что отождествление М. А. Орловым этой двухволютной композиции с эолийской капителью (что им особо подчеркивается) основано на недоразумении. Эолийская капитель характерна тем, что волюты ее, в отличие от волют обычной ионической капители, разделены и повернуты на 90° вверх. В данном же случае наблюдается тот же вариант, что и в обычной ионической капители (ее средней части), с сомкнутыми завитками волют.

² Ср. помещенную в том же сборнике интересную статью М. Г. Воробьева «К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-кала», стр. 74, рис. 3.

хорезмийском зодчестве формы, столь близкой к волютам классической архитектуры, не только не находит в статье никакого объяснения, но и рассматривается в отрыве от аналогичного материала, известного по другим памятникам Средней Азии. Автору следовало бы поискать этих аналогий в опубликованных работах, и он узнал бы, что капители с подобными волютами обнаружены были и раскопками парфянской Нисы в Туркмении¹.

Другая статья М. А. Орлова «Барак-там (Новые памятники поздне-античной архитектуры северо-восточного Хорезма)» посвящена исследованию и реконструкции сооружений замкового типа VI—VII вв. Исследуемые памятники, наряду с чертами, типичными для всей древнехорезмийской архитектуры, обладают рядом характерных особенностей. Сравнительно хорошая сохранность одного из двух замков позволила детально изучить его и предложить на основе этого изучения проект реконструкции. Проекту предшествует небольшое теоретическое вступление, в котором автор говорит о значении сводов из кирпича-сырца в древне-хорезмийском строительстве (эта часть статьи частично повторяет материал статьи В. Л. Ворониной, посвященной строительной технике древнего Хорезма). Действительно, хорезмийские мастера впервые использовали сырцовые своды для перекрытия больших пролетов. Строители Средних веков разнообразили и усовершенствовали эту технику и из кирпича-сырца стали впоследствии возводить весьма сложные и прочные сводчатые перекрытия. Однако приоритет древнего Хорезма здесь несомненен, и автор это убедительно доказывает, но делает из этого положения совершенно неожиданный вывод, заявляя: «таким образом, к концу античного периода и началу феодализации Хорезма, когда меняется характер расселения, а следовательно, характер архитектуры Хорезма, и на смену городу с его общинно-родовыми домами-кварталами приходит тип индивидуального „дехканского“ расселения, в распоряжении хорезмийских зодчих уже был „рецепт“ постройки свободно стоящего укрепленного дома-замка» (стр. 138).

Здесь все вызывает удивление. С одной стороны, «меняется... характер архитектуры», а с другой — феодальная формация получает в наследство от патриархально-рабовладельческого строя готовый архитектурный «рецепт». Вытекает ли логически эта тирада из того правильного положения, что перекрытие сомкнутыми отрезками определяло пропорции перекрываемых помещений в виде длинных коридоров, расчлененных стенами на отдельные «отсеки»? Значит ли это, что такого рода перекрытия свойственны только жилищам феодальной формации и не применялись прежде в общинно-родовых домах-кварталах? Ведь известно, что еще «городища с жилыми стенами» (VI—IV вв. до н. э.) перекрывались сводами. Между предпосылкой и выводом здесь нет никакой связи, и довольно думается, что туманными тирадами автор старается скрыть свою беспомощность в отнесении исследуемого им памятника к той или иной экономической формации.

В дальнейшем изложении противоречия не исчезают. Автор пишет: «именно по этому „рецепту“ в VI—VII вв. в архитектуре Хорезма складывается тип маленького замка-донжона, укрепленной усадьбы мелкого земледельца» (там же). Так и оставив читателя в неведении относительно самого «рецепта», автор приводит примеры такого рода мелких замков. И далее неожиданно он заявляет, что, хотя исследуемый замок Барак-там близок последним, его тем не менее следует датировать не VI—VII, а III—IV веками.

Переходя к реконструкции исследуемого сооружения, автор находит, что большое квадратное помещение второго этажа (8 × 8 м) не могло иметь плоского деревянного перекрытия, характерного для верхних этажей хорезмийских монументальных зданий. Сохранившиеся в стенах гнезда балок небольшого размера тоже свидетельствуют, что балки такого малого сечения не могли перекрыть столь большой пролет. Исходя из этого, а также из наличия по осям стен зала широких, сильно деформированных пилястр, автор дает свою реконструкцию перекрытия зала. Он доказывает, что зал был

¹ Этот материал опубликован Г. А. Пугаченковой в статье «Архитектурные памятники Нисы», ТЮТАКЭ, I, Ашхабад, 1949, стр. 222, рис. 10.

перекрыт двумя широкими пересекающимися арками; промежутки между ними и стенами были заполнены деревянным балочным перекрытием.

Однако пилястры зала Барак-тама, судя по приведенным в статье обмерам и фотографии, настолько деформировались, что найти их первоначальную форму кажется почти невозможным. Основное положение проекта реконструкции, таким образом, покоится на очень зыбком фундаменте. Могло ли появиться перекрытие этого сложного типа в то время на отдаленной окраине Хорезма, в постройках полуоседлых скотоводов, только недавно, повидимому, осевших на землю? Ведь даже во дворце Топрак-кала, являвшемся образцом строительной техники своего времени, перекрытия верхних этажей крайне просты и едипообразны. Это, без исключения, плоские балочные перекрытия. Несомненно, строители древнего Хорезма достигли большого мастерства в сооружении сводов из сырцового кирпича. В дальнейшем встречаются довольно сложные сырцовые своды, отличающиеся оригинальностью конструкции и высокой прочностью. Но это — в дальнейшем, а для рассматриваемой нами эпохи вполне справедливо слово В. Л. Воропиной из ее статьи в этом же сборнике: «... Кладка арок в Хорезме достаточно единообразна. В основе ее лежат два приема: поперечные отрезки и клинчатая кладка. В античном Хорезме первый господствует...» (стр. 101).

Таким образом, нам кажется неоспоримым, что перекрытие зала Барак-тама было, несомненно, деревянным, балочным, а малое сечение балок объясняется тем, что зал, по всей вероятности, был перекрыт не сплошь и в центре его было оставлено прямоугольное отверстие. Такую реконструкцию перекрытия автор дает в своей предыдущей статье, она подтверждается находками остатков деревянных колонн, свойственна архитектуре Средней Азии и не вызывает возражений. В реконструкции экстерьера здания автор увеличивает его рядом ступенчатых зубцов, которые в данном случае ничем не оправданы и представляют чистый домысел.

Третья статья М. А. Орлова «Памятники садово-паркового искусства средневекового Хорезма» знакомит читателя с новой, почти неизвестной доселе областью хорезмийского градостроительства. Мы знаем из исторических источников (главным образом из дневника Клавихо) о величественных садах, разбитых Тимуром в окрестностях Самарканда. Однако литературные источники не дают ясного представления о характере планировки садов Тимура, хотя сам факт создания их предполагает старинные традиции и высокую культуру в этой области градостроительно-планировочной деятельности. Новые, первые еще открытия садово-парковых ансамблей на территории средневекового Хорезма подтверждают эти предположения и дают направление дальнейшему изучению проблемы. Эти открытия оказались возможными благодаря широкому применению авиационных разведок.

Язык статьи, крайне усложненный и «научообразный», оставляет желать лучшего. Как понять, например, следующую фразу: «Живописный силуэт группы небольших купольных мазаров перед главными восточными воротами, определяя ориентацию входа, переходит в однообразный ритм суровых башен крепости и завершается на противоположном ее конце высотой цитадели» (стр.161)? Может ли силуэт переходить в ритм и завершаться высотой? Такого рода неточности языка составляют дефект всех трех статей М. А. Орлова.

Упомянутая выше статья М. Г. Воробьевой посвящена рассмотрению технических приемов, применявшихся при украшении дворца Топрак-кала, этого замечательного памятника древне-хорезмийской архитектуры. Автор особо подчеркивает, что отдельные элементы убранства — роспись, скульптура, облицовка — никогда не являлись самоцелью, но всегда входили компонентами в общепозиционные замыслы мастера. Характер статьи, однако, заставляет автора рассматривать каждый технический прием отдельно, что обусловило некоторую дробность, несвязность в изложении материала. Отдельно рассматривается техника стенных росписей. Автор считает, что яркость цветовой гаммы росписей обуславливалась скудостью освещения. Если для сводчатых помещений первого этажа это положение бесспорно, то для комнат и залов верхних этажей такое объяснение несостоятельно, эти помещения были, видимо, в большинстве своем ярко освещены широкими потолочными проемами.

Обращает внимание некоторая неточность терминологии. Так, описываемые в статье «карнизы» внутренних помещений не являются таковыми; это скорее тяги, подпотолочные фризы, представляющие сравнительно широкую рельефную кайму с очень небольшим выносом относительно стены. Живописный и рельефный орнамент на поверхности их подтверждает именно такое их назначение. Конструктивной роли карнизов эти фризы, конечно, не играли.

Сравнивая лепную глиняную декорацию стен внутренних помещений Топрак-кала со штукатурной резьбой дворца Варахша, автор говорит, что сущность последнего приема «состоит в том, что стене придают известную легкость». Эта не очень внятная фраза неверна и по существу. Богатейшая алебастровая декорация комнат Варахшинского дворца придает стенам пышность и рельефность, но ни в какой степени не облегчает их зрительно. Точно так же спорным является проведение прямой линии развития от глиняной лепнины Топрак-кала к алебастровым декорациям Варахши. Нам кажется, что так же как сырцовый кирпич сперва посредством подсушивания на огне, а потом и обжига превратился в кирпич жженный, так и из глиняного лепного декора развилась впоследствии неполивная архитектурная керамика, которая позднее превратилась в частично поливную резную керамику, а затем уже в керамику, полностью поливную. Техника же резьбы по ганчу развивалась своим путем; использование резного ганча широко практиковалось среднеазиатскими мастерами наряду с резной керамикой. В дальнейшем панели из резного ганча стали характерным элементом внутренней отделки помещений, тогда как архитектурная керамика и майолика остались исключительной принадлежностью внешнего декора здания¹.

Таковы те небольшие возражения, которые вызывает статья. Материал статьи очень интересен и изложен простым языком. Жаль, что автор не проследил развития технических приемов декора во временной последовательности. Это в некоторой степени скомкановало бы материал и дало бы возможность проследить дальнейшее развитие интересующих нас приемов на более поздних памятниках архитектуры древнего Хорезма. Основная ценность статьи в том, что автор убедительно доказывает своеобразие технических приемов древне-хорезмийских мастеров и высокое развитие художественно-строительного ремесла Хорезма эпохи рабовладельческого общества.

В. Л. Воронина в статье «Строительная техника древнего Хорезма» рассказывает о мало изученном еще, но чрезвычайно интересном периоде зодчества в Средней Азии, относящемся ко времени, предшествовавшему арабскому завоеванию. Приведенный автором материал убедительно говорит о прямой преемственности строительных приемов народов Средней Азии, начиная с древнейших времен. Большинство технических приемов мастеров Хорезма, апробированных временем, дошло до наших дней.

Именно в Хорезме следует видеть один из первоисточников высокой строительной техники Средней Азии позднейших периодов. К чести автора следует отметить, что он понимает технические и научные возможности исследуемой им эпохи и не пытается во чтобы то ни стало найти схемы геометрического построения арок и сводов. В отдельных случаях это удастся сделать, но автор далек от того, чтобы приписывать мастерам древнего Хорезма несвойственные им знания.

Статьи второй части сборника трактуют вопросы этнографии народов, ныне населяющих территории древнего Хорезма.

В заключение нельзя умолчать о серьезном упущении, особенно досадном в книге, сделанной в общем хорошо и внимательно: подавляющее большинство архитектурных чертежей в этнографическом разделе книги имеет искаженный масштаб. Если верить такому масштабу, то внутренний двор усадьбы-хаули, изображенный на стр. 285, имеет в длину полтора метра (!). Подобные же вопиющие ошибки повторены на стр. 286, 313, 316, 340 (здесь длина помещения для скота равна 90 см!) и 441.

¹ Кроме того, С. П. Толстов во вступительной статье сборника упоминает об алебастровом декоре стен, применявшемся в Топрак-кала наряду с глиняным декором (стр. 32).

Не может не вызывать удивления и аннотация к плану дома на стр. 357 (иллюстрация к статье К. Л. Задыхиной). Здесь изображены линии, условно показывающие разрез здания в определенных направлениях; линии эти обозначены буквами *А — А*, *Б — Б*, *В — В*. В аннотации же к рисунку читаем: «*А —* главная балка, *Б —* поперечная балка, *В —* камыш и обмазка». Все это остается загадкой для читателя, равно как и местные названия помещений, перечисленных в аннотации и не приведенных в тексте статьи. Рисунки на стр. 264 сл. (к статье М. В. Сазоновой), изображающие южноузбекскую резьбу по дереву, вместо размеров снабжены отрезками линий, разбитых на части короткими вертикальными черточками, без признака цифр, что никак нельзя принять за масштаб.

Книга охватывает деятельность Хорезмской экспедиции периода 1945—1948 гг. С тех пор прошло четыре полевых сезона. Советский читатель вправе ждать новых сведений об успехах коллектива Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

Н. М. Бачинский и С. Г. Хмельницкий